

Ф.В. НИКОЛАИ

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ РЕЖИМЫ ПОСЛЕ 1700 ГОДА И (НЕ)ПРОШЕДШЕЕ БУДУЩЕЕ В КОНЦЕПЦИИ Г. ЯНСЕНА¹

Статья представляет собой рецензию на книгу Г. Янсена «Скрытые внутри историзма: темпоральные режимы после 1700 г.» Вступая в полемику с лидерами теоретической историографии рубежа XX–XXI вв. Р. Козеллеком и Ф. Артогом, Янсен ставит под вопрос гомогенность устремленного в будущее (по мнению Козеллека) темпорального режима модерна и выделяет как минимум четыре разных его модификации. Во-вторых, Янсен оспаривает радикальный разрыв современного «презентистского» темпорального режима с историзмом XIX в. и убедительно показывает гибридизацию или переплетение его модификаций в современном историописании. Кроме того, он подчеркивает важность социального измерения историографической полемики и ее неразрывную взаимосвязь с ростом алармистских настроений и неопределенности в современном мире. В этом контексте вопрос о соотношении пространства исторического опыта и горизонта ожиданий приобретает новую актуальность.

Ключевые слова: темпоральные режимы, презентизм, политика времени, пространство опыта, горизонт ожиданий

Презентизм, трансформации исторического сознания и современного темпорального режима широко обсуждаются сегодня в теоретической историографии². В центре этих дискуссий чаще всего оказываются работы Р. Козеллека и Ф. Артога, от концепций которых пытаются оттолкнуться уже следующее поколение исследователей³. Напомним, что Козеллек считает характерным для всей эпохи модерна растущее напряжение между обусловленным прошлым «пространством опыта» и устремленным в будущее «горизонтом ожиданий»⁴. Тогда как его бывший ассистент Ф. Артог отстаивает тезис о радикальном отличии современного «презентистского» темпорального режима от ориентированной в будущее темпоральности модерна⁵.

В этом контексте весьма интересной представляется книга Гарри Янсена из университета Неймегена «Скрытые внутри историзма: темпоральные режимы после 1700 г.», которая ставит под вопрос как гомогенность темпорального режима модерна, так и тезис Артога о принципиальном отличии от него современного презентизма. Янсен убедитель-

¹ Работа выполнена в рамках НИР Н-490-99_2021-2023 «Образы будущего и креативные практики: антропологический анализ социального проектирования и научного творчества в условиях неопределенности» на базе Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (Программа стратегического академического лидерства «Приоритет 2030»).

² Репина 2018; Ионов 2021; Олейников 2021; Чеканцева 2020.

³ Holden 2019; Лоренц 2021 и др.

⁴ Козеллек 2016.

⁵ Артог 2008; 2021.

но показывает смену как минимум четырех темпоральных режимов в XVIII-XIX вв. Каждый из них, подобно тропам в знаменитой «Метаистории» Х. Уайта, рассматривается на материале текстов не только историков, но и философов: И. Канта и Д. Юма, Г. Гегеля и Л. фон Ранке, К. Маркса и А. де Токвиля, Ф. Ницше и Й. Хейзинги. С этой точки зрения, в эпоху Просвещения господствовало «пустое», не имеющее воплощения и не связанное с человеческим опытом, универсальное (отсылающее к природному миру) и гомогенное время, механически измеряемое часами и фиксируемое многочисленными периодизациями человеческой истории. Философия истории в работах Кондорсе, проект «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж.Л. де Аламбера, политэкономия А. Смита, исторический нарратив А. Шлецера в разных формах пытались синхронизировать всю мировую историю и опирались на идею прогресса.

Но в рамках этого же режима возникает и иная тенденция – контр-просвещение, которое рассматривает время как *воплощенное* (embodied) в разных исторических формах – в культуре народов, деятельности исторических личностей, в религиозных верованиях и государственных институтах, что нашло отражение в трудах Д. Вико, И.Г. Гамана, И.Г. Гердера. Отказ от идеи прогресса в рамках контр-просвещения во многом определил переход от философии XVIII века к романтизму с его восприятием времени как чередования эпох подъема и упадка, – прежде всего в политической сфере. Романтизм, кульминация которого пришла на 1820-е гг., по-прежнему считал время достаточно гомогенным. Гегель и Ранке (при всем различии их взглядов) считали, что прошлое управляется идеей, которая функционирует как жизненный принцип и «дух эпохи». Однако сама история у Гегеля превращалась в бремя или тяжкую ношу, от которой желательно освободиться в будущем.

Этот гегельянский мотив с 1830 по 1880-е гг. оказывается востребован и переосмыслен у К. Маркса и А. де Токвиля, которые считали время гетерогенным и воплощенным в социально-экономических структурах. Прошрое, настоящее и будущее сосуществуют одновременно, обуславливают друг друга, оказываются диалектически взаимосвязаны, хотя и активно конфликтуют между собой. Раскол французского общества после революции во Франции привел к борьбе популярной среди аристократии ностальгии по Старому порядку и устремленности в будущее городских низов и пролетариата. Поездка де Токвиля в Америку представляется Янсену путешествием в воплощенное будущее: «Х. Уайт отмечает, что Токвиль пытается рассматривать *будущее как историю*. Это значит, что не только прошлое и настоящее, как у Гегеля и Ранке, но и будущее имеет свое воплощение. Именно поэтому он едет в Америку»⁶. Реставрация же, с этой точки зрения, становилась материализацией или воплощением прошлого. У Маркса время привязано к социально-экономическим формациям, поэтому конфликт между разными

⁶ Jansen 2020. P. 113.

темпоральностями – феодальными отголосками прошлого, капиталистическим настоящим и коммунистическим будущим – становится еще более радикальным. Сосуществование этих слоев времени и активное напряжение между ними Янсен называет «синхронностью несинхронного» или «одновременностью неодновременного».

С 1880-х гг. появляется и набирает силу режим «кайротического времени», ярче всего представленный в текстах Ф. Ницше, Й. Хейзинги и Я. Буркхардта. Для всех них важна не политическая или социально-экономическая сфера, но пространство культуры и субъективный опыт прошлого. Как известно, в центре концепции Ницше лежит идея «вечного возвращения», которая соединяет прошлое и будущее принципиально иначе, чем историзм Ранке: «Именно новый взгляд на прошлое и определенный [субъективный] выбор формирует новое будущее, что можно назвать “вечным возвращением”. Такой взгляд на генеалогию придает времени двоякую форму: неосознанного бэкграунда и сознательно актуализованного, интенционального прошлого. Людское стадо воспринимает только первое из них и продолжает ждать, тогда как сверхчеловек осознает оба и в своих действиях позволяет сбыться кайротическому времени»⁷. Свое продолжение эта идея получает в концепции *становления* – активного движения или даже «тигриного прыжка» от истоков к будущему. Ключевую роль в этом движении приобретает не само будущее, но момент выбора и активное действие в данный момент, создающее Событие. «Калитка “Сейчас” соединяет силы прошлого, настоящего и будущего. Это не останова или островок безопасности между полосами двустороннего движения в прошлое и в будущее. Это не данность, но продукт конфликтующих сил – столкновения между движением вперед, в будущее (надеждой?) и властью, которая хочет оставить прошлое (страхом?). <...> Ницше – мыслитель надежды и страха – говорит о необходимости сделать выбор»⁸. Основным методом переосмысления прошлого, превращения его в Событие в настоящем становится у Ницше генеалогия: «Генеалогия у Ницше – это новый взгляд на историю как мир становления. Превращая прошлое в мир истоков, она формирует новое восприятие прошлого, настоящего и будущего. <...> При этом время становится серией точек, которые генеалогическая ретроспекция превращает в выбор того или иного будущего»⁹. Аналогичным образом у Й. Хейзинги кайротическое время маркирует мгновенное узнавание прошлого настоящим, внезапную констелляцию между ними. Как и у Маркса разрыв и гетерогенность здесь оказываются важнее континуитета.

Разграничение этих темпоральных режимов ставит под вопрос универсальность концепции «седлового времени» Р. Козеллека. С другой стороны, Янсен не соглашается и с Ф. Артогом, считающим, что

⁷ Ibid. P. 152.

⁸ Ibid. P. 159.

⁹ Ibid. P. 162.

современный презентизм отделен от устремленного в будущее времени модерна радикальным разрывом 1989–1991 гг. Янсен отстаивает тезис о сохранении конкурирующих режимов темпоральности на протяжении всего XX в. С этой точки зрения, Ф. Бродель, Э. Блох и Х.-У. Веллер вслед за Марксом и Токвилем используют режим синхронизации несинхронного; П. Рикер в своей концепции нарратива опирается на романтическую модель подъемов и падений; М. Хайдеггер, В. Беньямин и Э. Ле Руа Ладюри видят время как кайротическую констелляцию истока и актуального «*Jetztzeit*».

Применительно к ситуации рубежа XX–XXI вв. более корректно говорить о гибридизации или различных вариантах соединения перечисленных выше режимов: Д. Чакрабарти в своей известной книге «Провинциализируя Европу» соединяет кайротическую темпоральность Ницше и синхронизацию несинхронного К. Маркса; А. Ассман в работе «Распалась связь времен?» выступает за переплетение прогрессивного времени Просвещения и романтической в своей основе интерпретации чередования поколений как серии подъемов и спадов. Сам Янсен выступает за синтез романтического и марксистского темпорального режима, который будет максимально ориентирован в будущее в попытке преодолеть текущий культурный кризис.

Этот кризис, по мнению Янсена, вызван совсем не внутренними противоречиями темпоральных режимов, но внешними социальными факторами. К ним он относит экологический кризис, связанный с приходом антропоцена; рост диспропорции между богатыми и бедными; усиление глобальной конкуренции, которая делает иллюзорной концепцию «догоняющего развития», но не предлагает ничего взамен. Все эти факторы делают будущее скорее пространством неопределенности и риска, а не прогресса, в который верило общество эпохи Просвещения и модерна. Такое будущее предполагает борьбу и напряжение, неизбежную цепь поражений и локальных побед – именно поэтому интеллектуальное наследие Маркса и Гегеля кажется Янсену актуальным: «Через анализ истории подъемов и падений, используя модель синхронизации несинхронного, мы можем обнаружить в настоящем те переломные моменты, которые позволят создать лучшее будущее»¹⁰.

Хотя внимания к социальному измерению полемики о темпоральности остро не хватает в современных дискуссиях, Янсен делает лишь первый шаг в этом направлении. Он не пытается связать трансформацию темпоральных режимов с интересами тех или иных социальных групп. В этом смысле наследие социальной истории 1960-х гг., которая любые исторические понятия и культурные конструкты рассматривала как часть социальной практики¹¹, остается в книге не востребованным. Автор осознанно стремится полемизировать с Р. Козеллеком и Ф. Артогом, П. Рикером и А. Ассман лишь в теоретической плоскости. Хотя

¹⁰ Ibid. P. 234.

¹¹ Koselleck 2002.

социальное измерение этих дискуссий напрямую затрагивает вопросы политического языка, низовых практик коммеморации, развитие индустрии глобального туризма и т.д. Возможно, внимание к такого рода вопросам и их анализу в исследованиях «среднего уровня» сделало бы книгу более яркой и содержательной.

Кроме того, Янсен почти не касается современной «эпидемии ностальгии», политики памяти и слишком явного доминирования «мемориальной парадигмы» над (критическим) историческим знанием¹², — ключевых симптомов современного темпорального режима. Какие социальные группы и каким образом используют сегодня политику памяти и идентичности? Кто использует алармизм в своих интересах? К сожалению, такого рода вопросы остаются за рамками внимания автора. Тем не менее, Янсен абсолютно прав в том, что интеллектуальная и социальная история могут и должны ставить вопросы не только о прошлом (историческом опыте), но и о будущем (горизонте ожиданий). Причем эти горизонты важно не только увидеть в текстах историографических источников, но и отрефлексировать применительно к собственным исследованиям, интересам исторической корпорации и интересующихся прошлым сообществ разного уровня.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Holden T. Hartog, Koselleck, and Ricoeur: Historical Anthropology and the Crisis of the Present // *History and Theory*. 2019. Vol. 58. No. 3. P. 385-405.
- Jansen H. Hidden in Historicism. *Time Regimes since 1700*. N.Y., L.: Routledge, 2020. 260 p.
- Koselleck R. Concepts of Historical Time and Social History // Koselleck R. *The Practice of Social History: Timing History, Spacing Concepts*. Stanford: Stanford University Press, 2002. P. 115-130.
- Артог Ф. Картины мира и представления о времени // *Логос*. 2021. № 5. С. 59-76. [Hartog F. Visions of the world and representations of time // *Logos*. 2021. No. 4. P. 59-76]
- Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // *Неприкосновенный запас*. 2008. № 3. С. 19-38. [Hartog F. Order of time, regimes of historicity // *Emergency ration*. 2008. No. 3. P. 19-38]
- Ионов И.Н. Коррекция темпорального режима и проблемы теории истории. Статья 3 // *Диалог со временем*. 2021. № 75. С. 20-36. [Ionov I. Correction of the temporal regime- and problems of the theory of history. Part 3 // *Dialog so vremenem*. 2021. No 75. P. 20-36]
- Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» — две социологические категории // *Социология власти*. 2016. № 2. С. 149-173. [Kpselleck R. “Space of experience” and “horizon of expectations” // *Sociology of power*. 2016. No. 2. P. 149-173]
- Лоренц К. Критические размышления о презентизме Франсуа Артога // *Логос*. 2021. № 4. С. 31-64. [Lorenz C. Out of time? Critical reflections on François Hartog’s presentism // *Logos*. 2021. No. 4. P. 31-64]
- Николаи Ф.В. Режимы памяти, национальные нарративы и политики идентичности: открытое будущее исследований памяти // *Новое литературное обозрение*. 2021. № 1. С. 305-314. [Nikolai F. Regimes of memory, national narratives, and political identity: the open future of memory studies // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2021. No. 1. P. 305-314]
- Олейников А.А. Время истории // *Логос*. 2021. № 4. С. 5-30. [Oleynikov A. History’s time // *Logos*. 2021. No. 4. P. 5-30]
- Репина Л.П. Память и наследие в «крестовом походе» против истории, или рождение «мемориальной парадигмы» // *Уральский исторический вестник*. 2021. № 2. С. 6-16. [Repina L. Memory and Heritage in a Crusade against History, or the birth of a “memorial paradigm” // *Ural Historical Journal*. 2021. No. 2. P. 6-16]

¹² Репина 2021; Николаи 2021.

Репина Л.П. Эффекты «непостижимого ускорения», или феномен презентизма в истории исторического знания // Диалог со временем. 2018. № 65. С. 48-58. [Repina L. Effects of "incomprehensible acceleration", or phenomenon of presentism in the history of historical consciousness // Dialog so vremenem. 2018. No 65. P. 48-58]

Чеканцева З.А. Path dependence, политика времени и метаморфозы истории // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 3. С. 5-16. [Chekantseva Z. Path dependence, politics of time and metamorphosis of history // Perm University Herald. History. 2020. No. 3. P. 5-16]

Федор Владимирович Николаи, доктор философских наук, с.н.с. ННГУ им. Н.И. Лобачевского, НГПУ им. К. Минина, Нижний Новгород, fvnik@list.ru

Regimes of temporality after 1700 and futures past in historical theory of Harry Jansen

The article is a review of Harry Jansen's book "Hidden in Historicism. Time Regimes since 1700". Engaging in polemics with the leaders of theoretical historiography at the turn of the 20th-21st centuries, R. Koselleck and F. Artog, its author questions the homogeneity of the future-oriented (according to Koselleck) temporal regime of modernity and identifies at least four different modifications of it. Jansen disputes the radical break of contemporary "presentist" temporal regime with nineteenth-century historicism and convincingly shows the hybridization of its modifications. He emphasizes the importance of the social dimension of historiographic controversy and its inextricable relationship with the growth of alarmist sentiments and uncertainty in contemporary world. In this context the question of the relationship between space of historical experience and horizon of expectations acquires new relevance.

Keywords: regimes of temporality, presentism, politics of time, space of experience, horizon of expectation

Feodor Nikolai, PhD, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), fvnik@list.ru